

— Шэн Тянь... брате...

По сравнению с совершенно потрясенным и ошеломленным Лу Цяочэнем, Шэн Тянь выглядел куда более невозмутимым. Казалось, он давным-давно предвидел, что этот день с Лу Цяочэнем и остальными настанет. В глубине его глаз не было ни единой эмоции.

— Цзю Линь, ты ранил Ху Цзиня. Думаешь, старый лис станет с тобой церемониться?

Лицо Цзю Линя слегка омрачилось гневом:

— Я жалею лишь о том, что не пустил ему пулю в лоб.

Он и сам не ожидал, что его любовь к Лу Цяочэню однажды дойдет до такой степени безумия и эгоизма. По сравнению с университетскими годами, это чувство всё сильнее отклонялось от нормы.

— Ладно. Если вы уже достаточно наговорились о прошлом, я отправляюсь с генералом Шэнем выполнять эту игру. Старики ведь уже не могут дожидаться.

Если бы из присутствующих здесь пятерых кто-то и привык сохранять хладнокровие в любых обстоятельствах, так это Старый Ма. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Шэн Тянь окинул взглядом состояние Лу Цяочэня, словно собирался что-то сказать, но в итоге промолчал и, молча заложив руки за спину, зашагал прочь. Старый Ма тут же последовал за ним.

— Брат Шэн Тянь, вы не можете уйти!

Лу Цяочэнь немного запаниковал. Цзю Линь только что выстрелил в Ху Цзиня: хотя рана не задела жизненно важные органы, если её не обработать прямо сейчас, тот либо истечет кровью, либо лишится руки. Ни один из исходов Лу Цяочэнь видеть не хотел.

— Что же будет с Ху Цзином, если вы вот так уйдете... Брат Шэн Тянь, как ты можешь... А что делать брату Жун Ту?.. У тебя ведь тоже есть ребенок, есть семья, зачем тебе идти по трупам здешних людей?..

Глядя на сиявшую на плече Шэн Тяня эмблему элитного антитеррористического подразделения Сокол, Лу Цяочэнь мог лишь пытаться унять боль в груди и уповать на то, что удастся разжалобить его семейными узами.

В уголке рта Шэн Тяня заиграла насмешливая улыбка:

— Могу ли я расценивать это так, будто ты пытаешься усидеть на нескольких стульях?

Его многозначительный взгляд скользнул по Цзю Линю и Ху Цзиню и даже затронул отсутствующего здесь Цяо Мосяо. От этих слов у самого Лу Цяочэня пропала всякая уверенность. Он просто хотел найти Лу Баобей достойного отца и вовсе не задумывался о том, кто же его истинная любовь.

Рука, поддерживавшая Ху Цзиня, слегка дрожала. Кажется, Ху Цзинь прекрасно понимал, что для этого парня в сердце нет и капли места — возможно, всё его сердце уже целиком и полностью принадлежало Цяо Мосяо, просто сам он упорно заблуждался.

Видя, как Шэн Тянь досылает патрон в патронник, собираясь направиться вглубь джунглей, Лу Цяочэнь с ужасом осознал, что совершенно не в силах его остановить.

— Кстати, если ты и дальше будешь разводить здесь сопلي с этими двумя, боюсь, Цяо Мосяо и Лу Баобей...

На кроткой улыбке Шэн Тяня у Лу Цяочэня защемило сердце. Двигался Шэн Тянь невероятно быстро: стоило Лу Цяочэню попытаться возразить, как от того и след простыл.

Лу Цяочэнь в отчаянии опустился на землю. Пожалуй, только сейчас он понял, что в какой-то момент незаметно для себя привык к жизни рядом с Цяо Мосяо, и в мыслях тосковал по тем двум десяткам лет, что они провели вместе.

Не успело его сердце выйти из уныния, как Цзю Линь снова навел дуло пистолета прямо на грудь Ху Цзиня. Лицо Цзю Линя пылало от гнева.

— Цзю Линь, ты что творишь? Мало нам тут бардака?

Лу Цяочэнь встал между ними, его грудь тяжело вздымалась, а со лба уже катился пот. Из-за спины, которую он заслонял собой, вновь донесся щелчок взводимого курка — пистолет в руке Ху Цзиня тоже был нацелен прямо в голову Цзю Линю, и его боевой настрой ничуть не уступал сопернику.

Кто бы мог подумать, что не пройдет и часа, как обстановка накалится до предельного абсурда. Разве он не приехал сюда участвовать в соревновании в Лесу Смерти? Что здесь вообще происходит?

— Вы двое... какого черта вы творите?!

Видя, как они молча, со злостью в глазах, целятся друг в друга, Лу Цяочэнь проклинал себя за то, что не заметил их вражды раньше — судя по всему, они и раньше не ладили.

От пережитого волнения в груди вновь кольнуло с невыносимой четкостью. Будь у Лу Цяочэня сейчас в руках ствол, он бы черт побери пристрелил обоих для приведения в чувства.

— Мы не сможем жить оба. Только один из нас. Это началось с того самого момента, как он силой овладел твоим телом, — сжав зубы от боли в левой руке, Ху Цзинь обеими руками вцепился в рукоять пистолета, и в его голосе не звучало ни малейшего намека на компромисс.

Лу Цяочэнь замер. Неужели он всё знал? Или же Цзю Линь сам ему всё рассказал? Впрочем, неважно, что именно — это доказывало лишь одно: то, что вызывало у Лу Цяочэня глухое разочарование.

— Ху Цзинь... разве ты не был мертв? Ты всё это время скрывал это от меня? Даже когда все вокруг знали, ты тоже молчал, заставляя меня долгие годы страдать от чувства вины, словно какого-то дурака? Вы двое... неужели вы давным-давно состояли в Соколе?..

Лу Цяочэнь сам не верил, что с его языка срывается столько вопросов. Это было проявлением инстинкта — инстинктивного желания узнать, как долго они еще могли его обманывать.

Оба хранили молчание, словно провинившиеся дети, боящиеся даже вздохнуть полной грудью, ведь они знали: стоит им признаться, и Лу Цяочэнь возненавидит их еще сильнее.

Лу Цяочэнь зловеще усмехнулся, выхватил кинжал и со всего маху вонзил его себе в бедро. От этого зрелища оба замерли от ужаса. Кинжал всё еще оставался в руке Лу Цяочэня, и приблизиться к нему они не смели: еще один удар стал бы ножом прямо по их собственным сердцам.

Корчась от боли, Лу Цяочэнь выдохнул:

— Я спрашиваю в последний момент.

Когда лезвие кинжала приблизилось ко второй ноге, Ху Цзинь наконец не выдержал и бросил пистолет на землю в знак капитуляции. Цзю Линь поспешно последовал его примеру.

— Цяочэнь, это мо...

— Чэнь-чэнь!

Ху Цзинь не успел договорить, как раздался тревожный оклик. Проследив за источником звука, Лу Цяочэнь почувствовал, что в этот момент его сердце действительно затрепетало.

— Дядя...

Говорят, соперники в любви при встрече люто ненавидят друг друга. Ху Цзинь, впрочем, ничего подобного не испытывал: он искренне желал Чэнь-чэню счастья, и какой бы выбор тот ни сделал, лишь бы он был счастлив и рад, Ху Цзинь был готов всё принять и поддержать. При одном лишь условии... когда исчезнет угроза со стороны того человека.

Лоб Лу Цяочэня покрывался всё большим количеством испарины, и наконец его тело перестало справляться с обрушившейся со всех сторон болью. Он рухнул прямо на землю.

— Вобо!

В одно мгновение ока Вобо надежно подхватил падающего Лу Цяочэня и бережно перенес его обратно к Лу Баобею. На лице Лу Баобея по-прежнему бушевало мрачное неискупленное ожесточение, но он тоже понимал: нужно довериться Цяо Мосяо, положиться на него.

Цяо Мосяо вытащил из-за пояса свой любимый Пустынный Орел. Его лицо было мрачнее тучи; бросив презрительный взгляд на боевую форму обоих, он с вызовом покрутил оружие в пальцах:

— И подумать только: прославленные генерал и майор Сокола на поверку оказались моими соперниками в любви.

Ху Цзинь лишь легко улыбнулся. Когда человек на грани отчаяния, любые объяснения бесполезны — пусть думает, что хочет. Тем более что никакого оружия у него при себе всё равно не осталось.

Цзю Линю было некогда размышлять. Он никак не мог взять в толк, почему у него в руке оказался пистолет и почему здесь собралось столько народу. Разве он не жарил для Чэнь-чэня кролика?..

— Папочка Цяо, уже поздно. Нам нужно убраться отсюда, папику совсем плохо.

Все трое разом обернулись. Кинжал из ноги Лу Цяочэня был вытащен уже некоторое время назад, и кровь никак не останавливалась.

На Зал Волка и Организацию Июй приходилось всего две сигнальные ракеты. Пока они лихорадочно соображали, уходить ли всем вместе или кому-то оставаться, Ху Цзинь наконец нарушил молчание:

— Бесполезно. Это соревнование — сплошная фальшивка. Никакой контрабанды из страны Х нет и в помине. Всё, что здесь есть... это план Сокола уничтожить террористическую организацию целиком, включая наемников.

Ху Цзинь и сам был ранен, но не издавал ни звука — его заботило исключительно состояние Лу

Цяочэня.

Пошарив по карманам, он извлек оттуда телефон и сделал звонок. Никто вокруг не понимал, какую игру он затеял, а Цяо Мосяо и вовсе был настороже на все сто процентов.

— Цзыюй, приведи моего личного врача. Я скидываю тебе координаты.

— Сделай это как можно быстрее.

Бросив эти сжатые, емкие указания, он мгновенно сбросил вызов. Тревога на его лице казалась даже тяжелее, чем у Цяо Мосяо, что окончательно вывело из себя собственника Цяо Мосяо.

— Твой личный врач умеет делать тест ДНК?

Ху Цзинь на мгновение замер, но тут же кивнул:

— Разумеется.

Цяо Мосяо извлек из-за пазухи два маленьких бумажных пакетика, завернутых в полиэтилен:

— Я хочу сделать анализ вот этого. Считаю, что ради Чэнь-чэня...

— Хорошо.

Даже понимая, чего именно добивается Цяо Мосяо, Ху Цзинь согласился без малейших колебаний. Лу Баобей с самого начала смотрел на Ху Цзиня враждебно — просто потому, что отличался злопамятностью: раз Ху Цзинь когда-то похитил его, хорошего отношения от ребенка тот дожидаться не мог.

Но какой-то там тест ДНК никак не мог повлиять на его любовь к Чэнь-чэню.

Заметив, что настроение Лу Баобей упало донельзя, Чжэн Хуань на цыпочках подкрался к нему сзади и легонько ткнул в спину:

— Мелкий вредина... вот, я сберег специально для тебя, твои любимые...

Он протянул Лу Баобею изысканно упакованную шоколадку, к которой скотчем была прилеплена двухюаневая купюра. Неизвестно, какие чувства одолели Лу Баобей, но он вдруг разрыдался и, вцепившись в рукав Чжэн Хуаня, принялся смачно вытирать об него сопли.

Чжэн Хуань на удивление не стал возмущаться тем, что ему испортили одежду, и лишь мягко гладил мальчика по голове, утешая его. В конце концов, ему было всего чуть больше четырех лет — ребенок вовсе не должен был нести на себе такой груз.

Надо признать, отвлекать внимание от засады Сокола Тун Цзыюй умел молниеносно. Пока все пребывали в мрачных думах, каждый погруженный в собственные мысли, человек с лицом, точь-в-точь как у Ху Цзиня, уже приближался к ним в сопровождении штатского с медицинским чемоданчиком в руках.

Вобо стоял неподалеку, крепко прижимая к себе Цзинь Сэня — то ли заявляя свои права на него, то ли давая ему какое-то негласное обещание.

— Эх, повезло же некоторым, скольких людей они заставляют себя любить...

Цзинь Сэнь с завистью уставился на Лу Цяочэня, окруженного со всех сторон, и Вобо невольно усмехнулся, прошептав ему на ухо:

— Тебе хватит и меня одного.

— Так не пойдет. Я тоже хочу, чтобы столько людей... м-м-м!

Не успел Цзинь Сэнь договорить, как Вобо ловко прижал его спиной к ближайшему дереву и накрыл его губы своими, настойчиво и страстно сминая их в глубоком поцелуе. Только он один знал, как сильна была его привязанность к этому мужчине.

Если причиной его вступления в Зал Волка изначально был проигрыш в интеллектуальной дуэли Лу Баобею, то причиной, по которой он наотрез отказался уходить по истечении срока, определенно была любовь к этому маленькому мужчине, стоявшему сейчас так близко.

Наслаждаясь сладостью его губ, он тонул в этом наваждении. Двое совершенно забыли обо всем вокруг, самозабвенно целуясь, пока сбоку не раздалось покашливание Лу Баобея: кхм-кхм.

Цзинь Сэнь словно от удара током оттолкнул Вобо, покрасневшись так, что лицо казалось готовым залить краской, и смущенно уткнулся тому в грудь.

Вобо выглядел так, будто ему чего-то недодали:

— Глава зала, вы так всё испортили.

(Не кидайтесь тапками ☹☹ Я постараюсь добавить побольше милых сцен. Особенно после окончания битвы в джунглях нас ждут сплошные нежности между всеми парочками. Ну а Цяо

Мосяо... его статус законного мужа скоро будет официально закреплён.)

<http://bllate.org/book/22029/2290289>